

— А-Лин, мне жарко.

Он долго и осторожно пытался перевернуться, но ничего не вышло; он даже руку из-под одеяла вытащить не мог — просто изнывал от жары. Давненько он так не болел, и такой внезапный недуг оказался тяжеловат для него. Его голос, хриплый и слабый, звучал почти как капризная мольба.

— Жарко — терпи, мать твою, пока не поправишься, разговоров больше не будет.

Ци Цзилин, видя, как тот постоянно елозит, пытаясь вырваться из его объятий, едва не рассмеялся от злости. Не думай, что он не понимает: эта нежная хрупкая цветочная душа просто ломает комедию. Когда он здоров, на людях он сама элегантность и утонченность, словно свежий ветер под луной, но на самом деле... ха! Ци Цзилин знал его с малых лет и давно раскусил.

— Так укутываться — это невыносимо. Дверь закрыта, воздуха нет, неужели нельзя дать мне хоть немного передышки?

Му Цзэланю было невыносимо тяжело. Ощущение липкого от пота тела сводило его с ума. Он был человеком, помешанным на чистоте, и даже болезнь не могла заставить его смириться с этим. Раньше всё было не так серьезно, но сейчас он просто не мог больше терпеть.

— Нельзя.

Ци Цзилин развернул его к себе, столкнувшись с ним взглядом, и холодно отрезал, не давая ни единого шанса напрасно надеяться. Если бы он продолжал смотреть на это болезненное, хрупкое создание, он бы в самом деле возненавидел его до смерти. Его персиковые глаза сузились, в них промелькнула опасная ярость, готовая выплеснуться в любую секунду.

— Ох.

Му Цзэлань поджал губы. Он слишком хорошо знал характер А-Лина, чтобы продолжать спорить. Он прекрасно понимал: если А-Лин что-то сказал, то так тому и быть. Тем более сейчас, судя по тону и выражению лица, тот был явно разозлен.

— Если плохо, спи еще. Я побуду здесь с тобой. Как проснешься, болезнь уже должна отступить.

Глядя на то, как мучается его нежная цветочная душа, Ци Цзилин всё же не смог быть слишком жестоким. Едва эти слова слетели с его губ, он увидел, как Му Цзэлань внимательно посмотрел ему в глаза и тихо спросил:

— Тогда... когда я проснусь, ты не уйдешь? Ты не... не исчезнешь снова?

Он спрашивал с опаской, пальцы, сжатые под одеялом, побелели, а глаза немного покраснели. С самого момента, как вчера вечером А-Лин отвлек его поцелуем, он хотел задать этот вопрос, но всё не решался. А сегодня утром он решил, что А-Лин уже ушел. В тот миг на него навалилось отчаяние, которое он не хотел бы пережить в третий раз. Восемь лет назад — раз, сегодня утром — два, уже дважды. Он боялся. Все это время он думал, что сможет вместе с А-Лином любоваться множеством пейзажей и пройти длинный путь, что они никогда не расстанутся.

Увы, он лишь тешил себя иллюзиями. Возможно, А-Лин никогда не считал его важным, поэтому, уходил тот или возвращался, Му Цзэлань всегда оставался лишь пассивным наблюдателем. Никого не волновали его мысли, никого не заботило, больно ему или нет. Восемь лет уже позади, он очень устал. Если настанет следующий раз, он знает, что будет ждать, но уже не с такой уверенностью, что его А-Лин обязательно вернется. Потому что он слишком хорошо понимал: за всю свою жизнь он уже не сможет полюбить никого, кроме А-Лина. Никто, никто не сможет заменить А-Лина в его сердце.

Он не станет идти на компромиссы ради других и не будет с кем-то еще, когда в его сердце живет другой человек, чтобы не причинять боль ни себе, ни другим. В нем не было такого величия. Столько лет рядом с ним никого не было, он отвергал все признания и романтические жесты. И не только потому, что в его сердце был А-Лин, но и потому, что надеялся: когда А-Лин вернется, он найдет его таким же, как прежде, своим братом Му, своей Муму. Он не менялся, боясь, что, если станет другим, А-Лин не примет его.

Ци Цзилин встретился с этим глубоким, как омут, взглядом, полным нежности, и в глубине души что-то болезненно дернулось. Он открыл рот, желая что-то сказать, но не смог произнести ни слова. Сейчас он не мог дать никаких обещаний. Он даже жалел, что много лет назад так твердо пообещал Му Цзэланю, что никогда его не покинет. В жизни Му Цзэланя единственным нарушенным обещанием было его исчезновение восемь лет назад. Та фраза о вечности оказалась подобна дереву без корней — рухнула от первого же порыва ветра. И, возможно, именно из-за этой фразы Му ждал его восемь лет.

На самом деле, когда вчера вечером он увидел надпись Медицинская лавка Даньгуй, в его сердце смешались жалость, облегчение и радость. Даже он сам считал такие чувства смехотворными. Какое он имеет право? Достоин ли он?

— Все-таки уйдешь, да?

Видя, что его брови нахмурились, а сам он молчит, Му Цзэлань мгновенно всё понял. Горечь и боль в груди почти поглотили его целиком. Ему было невыносимо плохо. Он отвернулся от Ци Цзилина, не желая больше смотреть на него, и слезы покатались из его глаз.

Почему? Он не понимал, ради чего всё это. После возвращения А-Лин сам поцеловал его и обнял — неужели просто ради игры? Он изо всех сил пытался сдержать чувства, но слезы невозможно было остановить. За восемь лет он почти не плакал, лишь ожидая его под деревом тун во дворе, тоскуя по человеку, который неизвестно где скитался.

Ци Цзилин крепко сжал кулаки, глаза его покраснели. Он слегка подвинулся и осторожно обнял Му Цзэланя, прижимая его к себе прямо через одеяло. Почувствовав, как дрожат плечи Муму, он ощутил, как сердце пронзила острая, удушающая боль. Муму плакал. За девятнадцать лет, что они провели вместе, он изучил Муму до последней черты. Ему очень хотелось сказать что-то, чтобы разрушить эту гнетущую атмосферу, но, видя слезы Муму, он был совершенно беспомощен. Все дерзкие слова застряли у него в горле. Он не мог сделать ничего, кроме как обнять его еще крепче.

Плача, Му Цзэлань уснул. Он и без того изнемогал от болезни, а новость о том, что А-Лин снова собирается уйти, накрыла его волной безнадежности, и он не смог больше сдерживать эмоции. Как только навалилась усталость, он не смог ей противиться.

Видя, что Муму крепко спит, Ци Цзилин осторожно выбрался из кровати. Он опустился на корточки рядом и вгляделся в белое, тронутое лихорадочным румянцем лицо Муму. Взгляд его был полон горечи и тоски. Он виноват перед Муму.

Он слегка склонился и нежно поцеловал его в щеку, прошептав едва слышно:

— Столько лет был для меня нежной хрупкой душой, разве ты не знаешь, какой я жестокий? Почему не подумал о себе? Зачем ты вообще меня ждал?..

Он и правда не ожидал, что Муму будет ждать его целых восемь лет и даже откроет лавку под названием Даньгуй. Когда он уходил, он об этом не думал. Он хотел лишь одного: смотреть на счастье Муму издалека. Даже если бы он сам умирал от боли, он не мог позволить втянуть Муму в это. Те люди были совершенно безумны. Он прекрасно понимал, что, столкнувшись с такими мерзавцами, он ни за что не сможет защитить свою Муму.

<http://bllate.org/book/21914/2276788>